

Елена Осетрова

Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор

Слухи — специфическое явление информационной природы, архаическое, насчитывающее тысячелетнюю историю [Дмитриев 1995: 5; Дубин, Толстых 1995: 18; Щербатых 2007: 204], но одновременно актуальное, и своей формой, и своим содержанием участвующее в организации современной коммуникативной среды. В англоязычной традиции оно и соположенные ему феномены описываются несколькими синонимичными лексемами — *rumour*, *gossip*, *whisper*, “*grapevine*”, *buzz* (молва, слухи, перешептывание, «утка», сплетни).

О широкой распространенности этого явления говорят данные социологического анкетирования: отвечая на вопрос «Часто ли вам приходится сталкиваться со слухами?», вариант ответа «иногда» в свое время выбрали 65 % опрошенных жителей Ленинграда, а среди ленинградцев с высшим образованием — 71 % [Лосенков 1983: 80; Почепцов 2001в: 489]. Приблизительно тот же суммарный показатель (в пределах 60–70 %) дали опросы, проведенные российскими социологами в 1992–1995 гг. [Хлопьев 1995: 22; Дмитриев и др. 1997: 134].

Елена Валерьевна Осетрова
Сибирский федеральный
университет,
Красноярск
osetrova@yandex.ru

Хотя в советской науке проблема слухов время от времени обсуждалась профессиональными психологами и социологами, для официального широкого общественного

мнения она не существовала. Перестройка резко изменила ситуацию: российская пресса выделила слухи как объект, достойный внимания и коллективного обсуждения. С конца 1980-х гг. в центральной печати появились статьи, авторы которых занялись популяризацией и теоретическим развитием этой темы (см., например: [Волков 1988; Вечоркин 1989; Слухи 1990; Киселева 2000; Никонов 2002; Пальшин 2007]). С этого же времени СМИ стали «запускать» непроверенную информацию на свое текстовое поле. В результате современные специалисты вполне обоснованно квалифицируют слухи, сплетни, молву, рассказы, кривотолки как устойчивую форму массового поведения, а средства массовой информации как проводники неавторизованного «контента» [Ольшанский 2001: 274]. Свидетельство последнего — бесчисленные высказывания типа:

Слухи вокруг него [Алексея Кудрина] просто клубятся. Говорят, что благодаря покровительству вице-преьера скромный Санкт-Петербургский банк реконструкции и развития в ближайшее время станет новым центром банковской жизни Санкт-Петербурга [Киселева 2000: 20];

Говорят, что во время Гражданской войны адмирал Колчак, отступая на восток России, зарыл часть царского золота в районе Щегловска, нынешнего Кемерово [Слухи 2006: 4];

Вокруг каждой компании, будь то маленькая фирма или большая корпорация, бродят десятки и сотни слухов. Многие руководители пытаются обернуть непроверенные сведения в свою пользу [Пальшин 2007: 54];

Кстати, красноярская боязнь землетрясения (которую сейчас подпитывает построенная ГЭС — говорят, что в случае катаклизма плотина может прорваться, и море смоем город) — имеет глубокие реальные корни [Савченко 2010:14];

Схватили только часть группировки <...> А сколько их еще на свободе? Одни говорят — двадцать, другие — тридцать, третьи — пятьдесят. А тут начали рассказывать, что Цапок, мол, на голову больной, справка из психушки у него есть [Степанов 2010: 6];

Предвыборный пасьянс все больше напоминает другую игру — «Тетрис»: кубики информации и слухов падают с высокой скоростью и, едва расположившись в определенном порядке, бесследно исчезают, чтобы уступить место новым кубикам <...> Все эти «тетрисы» и пасьянсы пока малоосмысленны, потому что дуумвиры не определились с тем, кто идет в президенты [Колесников 2011: 5];

В 2008 году [Оксана Акинъшина] вышла замуж за продюсера Дмитрия Литвинова. 2 июня 2009 года родила ему сына Филиппа. Однако вскоре поползли слухи о расставании супругов, которые так окончательно и не были подтверждены или опровергнуты [Смена курса 2011: 14].

Статус слухов настолько высок, что они влияют на структуру печатных изданий, оформляя целые колонки и подвалы в жанрах «короткой информации», «калейдоскопичной скороговорки» (выражение Л.А. Капанадзе): «О чем говорит страна...» и «По слухам и авторитетно» в «Комсомольской правде»; «Рейтинг слухов» и «Лаборатория слухов» в «Московском комсомольце»; «События, слухи, сплетни, разговоры» в «Московском комсомольце в Красноярске»; «Молва» в «Аргументах и фактах»; «Говорят, что...» в «Коммерсантъ—Деньги»; «Карта слухов» в «Огоньке»; «По слухам и по существу» в «Советском спорте»; «Слух номера» в «Крестьянском фронте»; «О чем говорят» в «Городских новостях» (Красноярск); «Слух» и «Сплетень» в «Комке» (Красноярск) и т.д.

Подобные рубрики — повседневная действительность современных российских СМИ, имеющая свои исторические корни. В 1842–1846 гг. в Петербурге выходил журнал П.А. Машкова «Сплетни», выдержавший шесть выпусков, а в 1855 г. молодой Н.А. Добролюбов выпускал рукописный антиправительственный сборник «Слухи» [Исупов]. При советской власти открытие таких изданий было невозможным, а одноименные жанровые блоки в периодической печати выглядели очевидным исключением из правила: среди них — раздел «Вести и слухи» в журнале «Вестник сельского хозяйства», издававшимся в 1918 г. [Кабанов 1997: 365] и рубрика «По слухам и авторитетно» в норильской «Заполярной правде» 70-х гг. прошлого века.

Период, когда рассматриваемый «элемент» устной коммуникации недооценивался серьезными исследователями, давно ушел в прошлое: современные российские исследователи, напротив, квалифицируют его как важный способ самоинформирования общества, считая точкой пересечения многих научных направлений [Хлопьев 1995: 21].

Систематическое изучение феномена слухов за рубежом началось после Первой мировой войны. Открыли направление немецкие и американские психологи, которые к 40-м гг. XX в. предложили свою типологию слухов, определенных ими как неофициальные городские новости, и детально проанализировали их субъективную природу, отметив факт «переделки» информации в соответствии с установками личности [Park 1940; Knapp 1944; Allport, Postman 1945: 61–81]. В нацистской

Германии научная работа в данной области была засекречена, а ее результаты эффективно использовались на фронтах Второй мировой войны. 1960-е гг. — время приобщения к проблеме силовых структур США. Динамические механизмы неофициальной информации профессионально изучали в ЦРУ и Пентагоне, исходя из убеждения, что пропаганда при помощи слухов, особенно во внешнеполитической деятельности, сопоставима с пропагандой через СМИ [Назаретян 2003: 91].

С тех пор слухи исследуются в социологии и социальной психологии [Кнапп 1944; Allport, Postman 1945; Festinger et al. 1948; Shibutani 1961: 126–138; Робер, Тильман 1988; Андриянов и др. 1993; Дубин, Толстых 1993а; Дмитриев 1995; Латынов 1995; Хлопьев 1995; 1996; Попкова 1999; 2002; Дубин 2001; Ольшанский 2001; Мамонтов 2002; Беззубцев 2005], философии [Поккида 1990; Дубин, Толстых 1993б; Исупов], семиотике [Почепцов 1990], теории и практике коммуникации [Почепцов 1995: 39–40, 163, 168; 1998; Панасюк 1998; Зелинский 2008], сфере политических технологий [Блэк 1990; 1997: 76, 79; Пиков 1995; Малышков 1998: 31, 44, 57 и др.; Фаер 1998: 42–43; Сегела 1999: 67–71, 81–82, 138 и др.; Щедровицкая 2002; Шейнов 2007; Щербатых 2007: 204–211; Щенникова, Бутина 2008; Матвейчев 2009], рекламе и менеджменте [Пожидаева 1996; Макаров 1998; Ильинский 1999; Michelson, Mouly 2000; Никитина 2006]. Каждое из перечисленных направлений разрабатывает выделенное предметное поле глубоко и плодотворно, уступая, тем не менее, лидирующее место двум традициям — социальной психологии и истории.

Хотя российские **психологи** занялись этой темой еще в 20-х гг. прошлого столетия [Шафир 1924], квалифицируя слухи с четких классовых позиций как «устную газету контрреволюции», интерес к ней остался неразвитым (исследование Шафира явилось единичным фактом истории молодой советской науки) и был частично реанимирован только в 1970–1980-е гг., так и не избавившись от прочного идеологического налета [Шерковин 1973; 1975; Шерковин, Назаретян 1984].

В социальной психологии серьезный тон при обсуждении проблемы был задан не отечественными, а зарубежными, в основном американскими, учеными. Сегодня они в рамках различных школ, основываясь на известных трудах Т. Шибутани, Л. Фестингера, Р. Кнаппа, Г. Олпорта и Л. Постмэна, утверждают новую теорию слухов.

Показательно, что, хотя с момента издания первых работ прошло около столетия, аналитическое внимание к потокам устной коммуникации не только не иссякает, но постоянно расширяется. Особенно если учитывать изыскания отечественных

социологов и психологов, которые интенсивно публикуются последние два десятилетия. О масштабе и глубине изученности вопроса прямо свидетельствует довольно обширная библиография, собранная автором статьи и включающая 433 публикации по теме «Слухи» и смежным с ней темам «Молва», «Сплетни» и «Городские легенды». Исследователей занимают специфические различия перечисленных объектов [Rosnow 2001; Bordia, DiFonzo 2004; DiFonzo, Bordia 2007], закономерности формирования содержания слухов [Kapferer 1989], социальные функции устных сообщений, механизмы их распространения [Pendleton 1998; Miller 2006; Donovan 2007] и вытекающая из этих сложных взаимосвязей дискуссия о строгих научных дефинициях.

Не имея возможности здесь подробно осветить достижения социальной психологии в представленном направлении, хотелось бы все-таки выделить работы одного из отечественных психологов — Д.С. Горбатова [2008а; 2008б; 2009]. Он не только вводит в российский научный оборот множество идей и достижений зарубежных коллег, предлагая их подробную, точнее сказать терминологически тонкую, критику, но и осмысляет видимые перспективы исследований. В частности, отвергая устоявшееся мнение о конститутивной ложности и иррациональности слухов, находит полезным анализ микрогруппового контекста их бытования — кратковременных и небольших коммуникативных объединений, клик и диад [Горбатов 2010; 2011а; 2011б]. В общем, очевидно внимание российских социопсихологов к проблеме слухов, теоретическая база которой, правду говоря, основана на зарубежных источниках.

Настоящая, устойчивая традиция осмысления слухов, насчитывающая полтора столетия и культивируемая именно на отечественной почве, существует лишь в пространствах русской **историографии и фольклористики**.

По свидетельству В.В. Кабанова, во второй половине XIX в. Н.А. Добролюбов и Г.В. Плеханов первыми оценили слухи и толки как выражение общественного народного мнения, призывая изучать их и учитывать в политической и практической деятельности. Несколькими десятилетиями позже на слухи впервые сослались профессиональные историки — А.З. Попельницкий и И.И. Игнатович — характеризуя настроения русского крестьянства в период отмены крепостного права [Кабанов 1997: 362–363]. А в 20-х гг. прошлого столетия известный советский специалист С.Н. Чернов поставил вопрос об исследовании слухов по архивным источникам, открывающим богатый материал для изучения народной публицистики декабристской эпохи [Чернов 1926; 1934; см. также: Кудряшов 1926; Сыроечковский 1934; Побережников 1995: 3].

Далее слухи исследовались в качестве расхожей текстовой формы, выражающей социально-утопические легенды, народные представления, чувства и мечты, и «самого оперативного вида» все той же народной публицистики времен отмены крепостного права (1859–1861 гг.), эпохи «черного передела» земель (70–80 гг. XIX в.) и др. [Домановский 1954; Базанов 1962: 200–216; 1974: 142–175; Чистов 1967: 3, 336, 339; Виноградов 1972; Литвак 1980; Федоров 1982].

Интерес авторов, работающих по данной проблематике в последние полтора десятилетия и собирающих для ее обсуждения представительные научные форумы [Никонова 2010], значительно более широк. Временные рамки исследований кроме названного исторического периода захватывают XVIII и XX вв. (от истории Пугачевского бунта через Первую мировую войну и февральскую революцию 1917 г. вплоть до коллективизации в советской деревне и Великой Отечественной войны), а пространственные границы охватывают не только европейскую часть России, но и восточные территории (существует много исторических свидетельств о слухах, три столетия назад имевших активное хождение по землям Урала и Сибири).

Тщательные архивные изыскания, документальные свидетельства, обработка сотен «дознаний» и следственных дел «о разглашении» подводят ученых к двум главным выводам. Первый из них состоит в огромном влиянии слухов на обыденную жизнь традиционного общества, когда они являлись «едва ли не ведущим видом коммуникации» и «важнейшим источником информации» для безграмотной массы крестьян о внешней и внутренней политике государства, смене монархов, заговорах, переворотах — т.е. о современной жизни страны и окружающем мире. Второй вывод утверждает роль слухов в крайних ситуациях социально-политических и межэтнических конфликтов, в которых слухи первоначально играли роль повода-стимула неповиновения власти, затем объединяли участников беспорядков, задавая линии их социального поведения, а после неминуемого поражения выполняли компенсаторную функцию, вселяя надежду в репрессированных [Побережников 1995: 4, 47–49; см. также: Рахматуллин 1990: 122–166; Громыко 1991: 209; Миронова 1991а; 1991б; Буганов 1992: 58, 63; Яров 1997; Колоницкий 1999; 2006; Кринко 2009].

Перечисленные работы органично вписываются сегодня в одно из самых перспективных направлений мировой исторической науки — устную историю (oral history). Устная история активно развивается со второй половины 40-х гг. XX в., определив в качестве основных источников, наряду с архаичной традицией (мифы, устные предания, сказания, легенды),

воспоминания очевидцев, участников событий, а также слухи. В совокупности они позволяют фиксировать уникальную информацию, не передаваемую традиционным путем, — следы социальной памяти о значимом событии и отношение к нему рядового человека, оставленные в устных текстах. Тем самым древнейшей науке о человеке возвращается собственно человеческое измерение, а исследователи приобретают уникальную возможность реконструировать неофициальную, народную версию истории страны¹.

В общей **филологии** на слухи как на научный объект в конце 70-х гг. XX в. опосредованно указал Ю.В. Рождественский, говоривший о них в широком контексте молвы [Рождественский 1978; 1979]. Спустя два десятилетия к этой теме обратился В.В. Прозоров, назвав ее перспективной для комплекса филологических дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, фольклористики и литературоведения [Прозоров 1998]. С того момента слухи исследуются в двух направлениях — как феномен коммуникативной природы и как выделенный фрагмент русской языковой картины мира. Причем некоторые авторы мотивированы этим двойным интересом [Долгая 2000; 2002; Крейдлин, Самохин 2003; Осетрова 2003].

В работах о слухах как комплексном коммуникативно-текстовом явлении в филологии выделяются несколько поисковых зон. Во-первых, это проблема определения слухов, которые трактуются и как речевой акт [Крейдлин, Самохин 2003], и как речевой жанр (в том числе фольклорный жанр городской устной прозы) [Веселова 2000; Утехин 2000; Максимов 2001; Clarke 2002; Langlois 2005; Бессонов 2009]), и как коммуникативный канал [Осетрова 2004; 2006а], и как вид массовой коммуникации [Долгая 2002], и как часть магического ритуала-обмана в традиционной народной славянской культуре [Толстая 1995: 112], и как «недостовверное сообщение» — древнейший инструмент психологической войны [Рождественский 2004: 372] (в последних двух случаях заметно обращение к функционалу слухов). Другой камень преткновения — авторство соответствующих текстов: с одной стороны, они расходятся как анонимные, а с другой стороны, питаются из информационного источника, конечно гипотетического и нерелевантного для большинства трансляторов, но искомого в случае намеренного распространения информации по устному каналу коммуникации. Это выводит на обсуждение достоверности/недостоверности информации и доверия/недоверия к ней массового

¹ О генезисе и перспективах развития устной истории, отечественном опыте ее осмысления, а также слухах как источнике изучения устной истории подробно см.: [Кабанов 1997; Орлов 2006].

пользователя — и далее на анализ бесконечно расширившегося «поля» слухов, культивированного не только в пространстве устной разговорной речи, но и в сфере СМИ и Интернета. О последней проблеме лингвисты пишут нередко с явно оценочной долей оценочности [Костомаров 2005: 190; Осетрова 2005а, 2006б, 2006в; Кормилицына 2006: 279–281; Панченко 2010а; 2010б].

В сфере языковой семантики мы сталкиваемся с необходимостью выделить смысловую и словарную доминанту для множества понятий, синонимичных *слухам* и имеющих хождение в русском языке — для всех этих *слушков, вестей, сплетен, наговоров, рассказней, молвы* и т.п. Нельзя сказать, что здесь царит единодушие: авторы проекта «Русский идеографический словарь» отдают предпочтение *молве*, определив ее статус в качестве ведущего концепта Мира VI, созданного умом и духом человека, высшего в выстроенной ими иерархии [Русский идеографический словарь 2004], а Г.Е. Крейдлин и М.В. Самохин настаивают на приоритетном положении *слухов* [Крейдлин, Самохин 2003].

Веские аргументы, найденные каждой из сторон, могут быть глубже развиты дальнейшими наблюдениями над языковым существованием выделенных образов, понятий, концептов. Впрочем, уже сейчас филологией накоплен некоторый объем знаний, основанных на изучении текстов художественных произведений, публикаций СМИ, русских пословиц и поговорок. Это позволяет говорить о реконструкции сложного метафорического образа слухов, ассоциирующихся в народном сознании с водной стихией, снежным комом, камнепадом — и с живым существом, ведущим себя активно, а иногда и агрессивно в отношении самого человека. Основой такой реконструкции является семантический анализ стихийных, вещных и животных коннотаций *слухов*, проводимый с учетом глагольной и номинативной сочетаемости этого имени [Долгая 2000; Крейдлин, Самохин 2003; Сайфуллина 2008; Осетрова 2009].

Особняком в списке филологических трудов, посвященных слухам, стоят исследования литературоведов. Слухи — текстообразующий элемент художественных произведений Бомарше и Сервантеса, Грибоедова и Пушкина, Булгакова и Зощенко, Домбровского и Суворова; а расширенный мемуарной литературой, этот перечень включает не один десяток классических и современных авторов. Но, пожалуй, самого пристального научного внимания в последние несколько лет удостоены произведения Н.В. Гоголя.

С середины первого десятилетия XXI в. наблюдается растущий интерес к теме «Слухи/сплетни в творчестве Гоголя», результатом чего стали несколько серьезных, в том числе диссертационных, исследований [Высоцкая 2008; Николаева 2008; Соливетти 2009]. Ссылаясь на более ранние идеи М.М. Бахтина (В.Н. Волошинова) и А.Д. Сияевского (А. Терца) [Терц 1981: 420; Волошинов 1995: 177], литературоведы изучают слухи и сплетни в аспекте «действенности слова», меняющего судьбы героев гоголевских произведений, и рассматривают их в качестве пружинного сюжетного механизма, который в «Мертвых душах» работает в информационном пространстве, параллельном хронотопу основного действия поэмы. Показательно, что К. Соливетти, автор объемного опуса «Сплетня как геральдическая конструкция (Mise en Abyme) в “Мертвых душах”», проводя глубокий литературоведческий анализ, уже в самом начале работы выходит за его рамки, вторгаясь в область коммуникативистики и показывая, насколько точно писатель воссоздал структуру и назначение устного информационного канала, предвосхитив современные социолингвистические исследования [Соливетти 2009].

Фактически мы имеем замкнувшийся проблемный круг. Слухи, открытые в качестве предмета для наблюдений более ста лет назад историей, а затем социальной психологией, ставшие наконец областью приложения филологических усилий, с неизбежностью заставляют обращать взгляд на свою социально-коммуникативную природу почти каждого исследователя, независимо от его профессиональной принадлежности.

Различные научные школы и направления, что видно из предпринятого обзора, обсуждают данный феномен по-разному, в большинстве случаев со своих узкоспециальных позиций.

Оставим на этот раз в стороне дискуссию об определении слухов, которая сама по себе представляет отдельную теоретическую проблему, и сосредоточимся на **практике использования** слухов, представив ее с той степенью полноты, какая возможна с учетом общенаучного знания и достижений гуманитарных техник и технологий. Ведущими направлениями такого анализа определим следующие: 1) слухи и институт власти, 2) российская практика использования слухов, 3) неконтролируемость слухов и их профилактика, а также 4) преобразование естественной схемы обращения слухов. Управление инструментом слухов в последние десятилетия получило широкую практику как за рубежом, так и в России. Области его применения — реклама, пропаганда, политическая борьба, выборы, информационная (психологическая) война [Лайнбарджер 1962: 66].

Слухи и институт власти: отношение и причины

Нельзя сказать, что организаторы связей с общественностью выработали однозначное отношение к слухам. С одной стороны, профессионалы public relations ссылаются на мнение Ж. Сегела, известного специалиста по политической рекламе, называющего слухи рычагом убеждения более эффективным, чем всякая реклама [Сегела 1999: 81–82]. С другой стороны, существуют противоположные экспертные оценки, которые следует учитывать. Хотя использование слухов в отношениях «власть — народ» до сих пор имеет место на Западе, многие практики с недоверием относятся к такому информационному ресурсу, ставя его в ряд с полуправдой и ложью [Корконосенко 2004: 186] и справедливо полагая, что ложь не лучший способ достижения гармонии в общественных отношениях [Bruce 1992].

Борьба с автономными неблагоприятными потоками информации, куда относят и слухи, — ведущая функция современных западных PR-служб [Почепцов 1995: 163, 168; Почепцов 2001в: 489, 496]. В этой связи типично высказывание С. Блэка: «Сотрудники, информационный голод которых удовлетворяется благодаря официальным каналам информации, работают ответственнее и с большей самоотдачей, чем те, кто узнает последние новости в курилке. Если вы не введете персонал в курс дел компании, земля будет полниться слухами»; и далее: «Теперь все больше руководителей понимают, что слухи — потенциальная угроза стабильности компании» [Блэк 1997: 76, 79; см. также: Блэк 1990]. Американские и европейские специалисты по связям с общественностью обеспокоены поиском и созданием новых каналов коммуникации, вызывающих столь же высокое доверие общества, какое имеют слухи.

Показательно, что аналогичную направленность — «борьбу со слухами» [Лосенков 1983: 76] — и похожий модус критичности в отношении к ним демонстрируют тексты советских социологов 1970–1980-х гг. Они характеризуют слухи как анахронизм, который существует только вследствие «идеологической незрелости части населения», как вредное явление, препятствующее социалистическому «воспитанию, формированию правильного общественного мнения» [Шерковин 1975: 187 и сл.; Джалалов 1979: 210–211; Лосенков 1983: 76–78; Шерковин, Назаретян 1984]. В своей патетике авторы доходят до прямого лозунгового призыва: «Нужно “вырвать” из сферы слухов и домыслов такой важный элемент современной жизни, как массовая социальная информация» [Лосенков 1983: 78].

Результаты многолетнего научного анализа — обнаружение положительного влияния слухов на историческую и современ-

ную практику общественных взаимоотношений [Побережников 1995: 4, 47—49; Кабанов 1997; Колоницкий 1999; 2006; Кринко 2009 и др.], их продуктивных функций в текстах СМИ [Осетрова 2006б; 2006г; 2007г], доказательства достоверности «слуховой» информации [Шерковин 1975; Мескон и др. 1995: 169; Назаретян 2003: 88—89; Основы теории 2005: 499] — заставляют усомниться в правильности и научной рациональности агрессивной точки зрения, изложенной выше. В этом смысле мы полностью солидарны с мнением Д.В. Ольшанского: «Хочется снять <...> налет отрицательного отношения к неформальным массовым информационным процессам. Информационные процессы такого рода — это особый пласт человеческого общения и, шире, всей человеческой культуры, существующий и развивающийся совершенно независимо от нашего к нему отношения» [Ольшанский 2001: 289].

Более того, расхожая отрицательная оценка слухов противоречит диалектическим представлениям о языке и его использовании, принятым в филологической среде: «Наши отношения с языком далеки от идиллии: мы прилагаем гигантские усилия, чтобы вырваться за его пределы, именно ему мы приписываем ложь, отклонения от естественности, большую часть наших пороков и извращений. Попытки борьбы с языком так же древни, как и сам язык. История убеждает нас в их безнадежности, с одной стороны, и неисчерпаемости, с другой» [Лотман 1992: 176].

Одновременно критика слухов не может не иметь причины, и важно ее понимать. Она состоит в принципиальном отношении официальных общественных структур к неофициальным потокам информации, о чем, на наш взгляд, очень точно пишет Д.В. Ольшанский и А.П. Назаретян.

С точки зрения существующих в организованном обществе социальных институтов, слухи играют ненужную или даже откровенно враждебную роль <...> Как правило, слухи разрушают официальную суггестию, создавая собственную, внутреннюю суггестивную зависимость психологии масс именно от слухов. В отличие от явно внешней, управляющей суггестии официальных институтов, слухи выступают как собственный, внутренний способ самоуправления, самореализации психологии масс. Естественно, для организованного общества это всегда представляется опасным. Соответственно, всякая организация озабочена проблемами противостояния автономной циркуляции такой стихийной, неорганизованной (несанкционированной, неконтролируемой, неуправляемой) информации, независимо от степени ее достоверности. По сути, это всегда конкурентная борьба за информационные механизмы организации человеческого сознания

и поведения, борьба за овладение массовыми механизмами, вызывающими массовое подражание.

Вопрос стоит очень просто: чему будут подражать люди? Официально декларируемым по институционализированным каналам нормам или неофициально распространяющимся посредством слухов эмоциям?

Особой актуальностью эти вопросы всегда отличаются в тоталитарных обществах [Ольшанский 2001: 284].

Для тоталитарного режима, который стремится выстроить полностью «прозрачную» информационную систему, слухи, как сильный генератор неопределенности, представляют однозначно негативное явление. В демократической системе информации «слухи считаются нормальным явлением общественной жизни. Здесь допускается оптимальное соотношение определенности и неопределенности, которое делает систему более аморфной, но вместе с тем внутренне разнообразной, а потому гибкой и адаптивной» [Назаретян 2003: 118]. «Хотя и здесь упорядоченная природа организованного общества, всегда противостоящего неорганизованным массам, берет свое: демократические власти также не любят слухов» [Ольшанский 2001: 284].

Двусмысленное положение слухов в системе социума состоит в том, что, несмотря на нелюбовь к ним власти, в определенных обстоятельствах она сама соглашается на использование слухов в качестве эффективной техники воздействия на коллективное сознание. Этому практическому применению находится весьма четкое обоснование. М.Р. Желтухина, рассуждая о природе и силе суггестивного речевого воздействия, выделяет спектр информационных факторов, используемых для внушения. Среди обязательных она называет актуальность, неопределенность, доступность и многократность повторения (мультипликацию) информации [Желтухина 2003: 95–96; см. о том же: Почепцов 2001б: 67, 89]. Всеми этими характеристиками и обладают слухи, признанные важнейшим элементом механизма суггестивности [Желтухина 2003: 114].

Тот же автор на основе проведенного месячного полевого эксперимента с участием восьми волонтеров доказывает воздействующую силу бытового диалогового дискурса, в том числе слухов. Наложенный на масс-медийное пространство, бытовой дискурс укрепляет его тиражированием идей, мнений и способствует принятию решений и реализации действий. Масс-медийное пространство конструируется не только техническими средствами, но и живыми людьми, которые ретранслируют теле- и радиопередачи, интернет-информацию

и пресс-сообщения, воздействуя на адресата. При этом выявляются различные модели информационного воздействия: совпадение интенции масс-медийного адресанта и интенции ретранслятора, ее развитие либо отклонение от нее [Желтухина 2003: 136–137].

На наш взгляд, последнее положение развивает значительно более ранние идеи Г. Тарда, объясняющего политическую роль беседы и выводящего эволюцию власти из эволюции разговора: «Существует тесная связь между функционированием разговора и изменениями общественного мнения, отчего зависит переменчивость власти. Если где-нибудь общественное мнение изменяется мало, медленно, остается почти неподвижным, это значит, что разговоры там редки, скромны, вращаются в узком круге сплетен. Если же общественное мнение подвижно, если оно переходит от одной крайности к другой, это значит, что разговоры там часты, смелы, свободны» [Тард 1999: 347–348].

Российская практика использования слухов

В практике отечественных социальных взаимоотношений слухи как альтернатива СМИ до сих пор имеют высокий кредит доверия общественного адресата, а иногда становятся авторитетным источником сведений определенного рода. Доверие к слухам порой настолько безоговорочно, что никакие прочие источники информации конкуренции с ними не выдерживают. Мы даже не говорим о каналах официальной информации, к которым, как и к властному субъекту, российское население традиционно испытывает отчужденность, неприязнь, недоверие [Андриянов и др. 1993: 87; Хлопьев 1995: 30–31; Матвейчев 2009: 126], — речь идет о точных сведениях «из первых рук», когда их источником являются герой слуха либо субъект в роли эксперта, осведомленные о чем-то наверняка. Ср. два устных диалога:

[разговор двух приятелей на даче]

А.: Максим! А кстати, говорят... говорят, что ты бывший мент.

В.: Я?! Да ты что, Иван! **Никогда ментом не был!** Ты что это!

А. [с сомнением]: **Как это?** Я слышал, ты там работал, а теперь на пенсию ушел. Пенсию ментовскую получаешь.

В. [задумывается]: А я знаю, почему про меня такие слухи ходят. Я ведь в свое время в ментовке много просидел, много очень там времени провел. Ты понимаешь? За пьянку. Вот я и получился... мент!

А: **А я так и думал всегда... Говорили про тебя...** (Полевые записи автора: Краснотуранск, июль 2010; личный архив автора).

[дружеская беседа в кафе]

А.: *Мне недавно кто-то сказал, что здесь [кафе «Че Гевара»] есть деньги Y-а.*

Б. [эксперт; удивленно]: *Нет-нет-нет* [смеется].

А.: *Ты можешь что угодно говорить, но слухи в народе ходят.*

В.: *А какие?*

А.: *Что у Y-а здесь миллион лежит. Что миллион работает здесь.*

Б.: *Надо Y-у об этом сказать. Думаю, что он обрадуется* [смеется].

В.: *А кто тебе об этом сказал?*

А.: *Не помню кто, недели две назад. Мы в компании сидели* (Полевые записи автора: Красноярск, январь 2006; личный архив автора).

Отсюда активная эксплуатация слухов в экстремальных ситуациях предвыборных кампаний [Гришин 2003; Щербатых 2007: 204–211], при формировании имиджа власти [Осетрова 2002; 2005б; 2007а; Беззубцев 2003], а также в рекламе, в консалтинговой работе по урегулированию межличностных отношений [Плюснина 1998], в пропаганде, в военных спецоперациях [Пиков 1995; Караяни 2003; Шейнов 2007: 540]. Об использовании слухов как технологии информации и дезинформации во время мировых войн см.: [Почепцов 2001а: 451; 2001б: 129].

Отечественная литература, между тем, отнюдь не изобилует разнообразием подходов, что можно было бы ожидать при такой популярности темы: теоретики предлагают различные принципы классификации слухов и программы их исследования [Дмитриев 1995; Латынов 1995], а устоявшийся, почти константный набор проблем переходит из пособия в пособие. Например, регулярно обсуждаются цели и функции использования слухов, типология их тем, факторы, усиливающие/нейтрализующие неавторизованную информацию. Свое место в этом ряду занимает описание способов обнародования слухов. Их эклектичные списки включают не только каналы (к примеру — радио, телевидение), но и типичные локусы взаимодействия (работа, дом, улица, митинг, похороны), «рабочих» субъектов (агитаторы, администрация, колхозное начальство, базарные торговцы, таксисты, пенсионеры), даже «материальные носители» текстов (листовки, «растяжки», рекламная продукция) [Щербатых 2007: 209–210; Матвейчев 2009: 91–93, 419–420]. Значение для политтехнологов имеют и различные классификации «избирательных слухов»; среди них выделяется система Ю.В. Щербатых, четко демонстрирующая амбивалентность явления: слухи, усиливающие страх и тревогу / обещающие позитивное будущее, порочащие/восхваляющие кандидата, призывающие к активным действиям / зовущие к отказу от них [Щербатых 2007: 208].

Достойным внимания представляется богатый иллюстративный материал, показывающий содержание слухов и их влияние на жизнь общества. Собранные воедино, эти сюжеты могли бы использоваться как источниковая база для создания антологии слухов в российской и мировой истории. Ссылки на древние этапы развития общества соединяются с фактами недавнего и новейшего использования неавторизованных текстов в войнах, избирательных кампаниях, PR-акциях, рекламе [Матвейчев 2009: 104–109], внешне- и внутривнутриполитическом пространствах США, Чили, Мексики, Греции, Германии, Великобритании, Франции, Венгрии, Украины, Афганистана, Индии, Вьетнама, Конго, Эфиопии, Никарагуа, многих других стран и, конечно, России [Шерковин 1975: 185–194; Ольшанский 2001: 277–278; Почепцов 2001а: 82–87, 312, 451, 561; 2002: 280–289; Назаретян 2003: 87–140]. В частности, описание слухов и рекомендации по их применению как орудия пропаганды и контрпропаганды находим в публикациях на тему выборов губернатора Красноярского края в 1998 г. [Малышков 1998: 31, 44, 78 и др.; Особенности национальной охоты 1998].

Составляя, по мнению Ю.В. Рождественского [2004: 191], «древнейший инструмент психологической войны», слухи используются профессионалами в политической и общей социальной практике как одна из наиболее перспективных технологий, «провоцирующих субъектность».

Когда практики рассматривают слухи в качестве еще не до конца разработанного ресурса системы управления и рекламы, у них «захватывает дух» от открывающихся возможностей и перспектив [Макаров 1998: 12]. В Японии тексты подобного рода называют «разговорами у колодца» и считают, что с их помощью реклама лекарственных средств и врачебных услуг чрезвычайно эффективна [Неверов 1975; Почепцов 1995: 40]. На Западе и в России тот же способ продвижения товара на рынке называют сегодня вирусным маркетингом, относя к числу новейших, но сложных инструментов продаж [Никитина 2006; см. также: Шерковин, Назаретян 1984; Дмитриев, Тощенко 1996; Пожидаева 1996; Хлопьев 1996; Макаров 1998].

Что касается политической сферы, то, оценив функциональность «слухового» канала, политтехнологи задействуют его как предвыборную технологию, дающую рычаг для управления мнением населения. Реализует ее специалист по слухам, основы деятельности которого анализируются в работе Г.Г. Почепцова [2002: 280–290]. По А.П. Назаретяну и О. Матвейчеву, технология использования слухов позволяет не только анализировать истинное настроение и мнение масс в отношении к власти, СМИ, процессам, происходящим в государстве

(слухи как источник информации), не только прогнозировать и моделировать будущую ситуацию (слухи как катализатор событий), но при необходимости — влиять на формирование общественного мнения через коммуникативную инициативу самих членов социума (слухи как фактор воздействия) [Назаретян 2003; Матвейчев 2009]. Дополнительный вес этим обобщениям придают свидетельства ученых, исследовавших роль слухов в переломные моменты российской истории [Побережников 1995; Колоницкий 1999; 2006; Агеева 2000 и мн. др.].

Неконтролируемость слухов и их профилактика

Несмотря на все сказанное выше, эффективность инструментальной функции слухов с экспертной точки зрения вызывает известные сомнения. Устный канал слухов никогда не является до конца контролируемым [Латынов 1995: 14–15; Шейнов 2007: 557]. «Запустить» туда требуемую информацию можно без особых усилий, можно проанализировать конечный результат воздействия, однако предречь промежуточные текстковые трансформации, а главное, откорректировать их в нужном направлении невозможно. По данным эксперимента иногда сообщение просто «застревает» на входе в коммуникативную среду и «умирает, не родившись» [Rosnow 1974], а иногда, подвергнутое сильнейшему стихийному изменению, оказывает незапланированное воздействие на аудиторию. Действенными в этом смысле признаются лишь манипуляции с небольшими коллективами до 2 000 человек.

Вероятно, это еще более увеличивает доверие к слухам со стороны населения: канал, в пространстве которого они обращаются, нельзя «построить», «купить», проконтролировать (в отличие от СМИ, например); манипулятивные техники эффективны внутри него только до известного предела. По той же причине практики и теоретики не жалеют усилий на разработку методик по повышению «слухоустойчивости» информационной среды. Профилактические мероприятия и поэтапные контрмеры обеспечивают технологии «Контраргументация», «Бойкот», «Клиника слухов», «Таблица слухов» [Караяни 2003], приемы публикации правдивой информации и «сведения сплетни» [Рождественский 2004: 191, 372].

Внимание фиксируется на опасной, порой непредсказуемой силе слухов, успешно конкурирующей со СМИ и официальной точкой зрения. Ср. в этой связи две формулировки, разные по масштабу обобщений, но единые в своем предостерегающем пафосе: «Внимательно относитесь к слухам <...> вовремя их нейтрализуйте, пока они под своей тяжестью не смяли тщательно выстраиваемый имидж вашего кандидата» [Щербатых

2007: 211; см. о том же: Макаров 1998: 14; Ольшанский 2001: 284–286]; «Слухи <...> [формируют] общую духовную атмосферу в обществе, против которой бессильны как система массовой информации, так и самые крайние методы массового террора. Слухи, достигая определенной степени интенсивности, порождают страх, фобии, дискомфортное состояние, могут превратиться в массовые действия, в неповиновение власти, в погромы, массовые движения (например, бегство в «обетованные земли», паническая скупка товаров)» [Ахиезер 1991: 339].

Преобразование естественной схемы обращения слухов

Практическое использование слухов влечет за собой не только разработку новых понятий (*контрслухи* или *слухи-антиреклама*, *произвольный слух*, *отраженный слух*), но, что важнее, преобразование их естественной схемы обращения и некоторых конститутивных свойств. Возникает искусственный вариант слухов, о чем свидетельствует ряд фактов.

Прежде всего, создаются **новые коммуникативные**, а на самом деле профессиональные **роли**, которые обеспечивают успешное продвижение сфабрикованной информации. Исследователи выделяют роль **конфабулятора** — специалиста по фальсифицированному мнению, создающего искусственные слухи [Панасюк 1998: 59–60]. У анонимного слуха по заказу появляется автор, не известный большинству адресатов текста, однако персонально выделенный и значимый для начала его «движения». Другая, противостоящая предыдущей роли, — роль **конверсора**, который следит за предотвращением и ликвидацией вредоносных слухов, готовый заранее ответить на «порочащие сведения» прямым или косвенным опровержением, заполнением любых информационных лакун «надежной информацией» [Назаретян 2003: 120–138]. Важной оказывается и социально-речевая роль **лидера мнения** [Там же: 57–58; Пиков 1995: 37], или «доверенного лица» [Щербатых 2007: 210]. На его поддержку с необходимостью опираются структуры, заинтересованные в придании информации дополнительных качеств авторитетности, достоверности и эмоциональной насыщенности. В процессе «полевого рассеивания» информации лидера поддерживают так называемые **агитаторы**, помощники, а прямо говоря — разносчики-провокаторы, действующие поодиночке или мобильными группами [Назаретян 2003: 116–117; Щербатых 2007: 211].

Работа с лидерами мнения общероссийского и регионального уровней находится в числе приоритетных направлений деятельности политических консультантов и имиджмейкеров

[Гурова, Медовников 1998: 39]. Роль лидера подвижна и приписывается конкретной личности разными группами населения достаточно оперативно в зависимости от политической конъюнктуры. В разное время политическими лидерами мнения были М. Горбачев, А. Сахаров, Б. Ельцин, Е. Киселев, Б. Немцов, Ю. Лужков, А. Лебедь, С. Шойгу, В. Путин и многие другие.

Кроме того, принципиальной становится **подмена стихийной новости** событийной либо информационной **провокацией**, вместе с чем изменяются и пространственные условия коммуникации. Если естественный слух индифферентен к месту зарождения, то искусственный максимально точно «выбирает» начальную **локацию**, или «место запуска». Опыт войны в Афганистане доказал надежность запуска анонимных сведений в местах всеобщего бытового общения, где высока степень нестабильности, сменяемости речевого коллектива (на базаре, в чайхане) либо естественным образом достижимо мобильное перемещение сообщения (в кабине попутной машины) [Пиков 1995: 40–41].

Практика пропаганды и предвыборных технологий последних десятилетий активно развивает полученный опыт: специалисты говорят о том, что нужный слух охватывает город средних размеров за 3–4 дня, а затем будоражит внимание 12–15 дней [Там же], если правильно определены потоки движения целевой аудитории. В локациях превращаются средства городского транспорта, в которых работают «агитаторы» ad hoc: пожилая женщина, мужчина военного вида и т.п. [Гурова, Медовников 1998: 38]. Дополнительную достоверность информации придают **ссылки** на популярные СМИ, поскольку взаимопроникновение официального и бытового коммуникативного потоков — признак их обычного сосуществования.

Заметим, что в связи с недолговечностью устного текста у специалистов возникает задача максимально продлить жизнь «нужного» сообщения, чему способствует **прием «концентрации информации»**. Заключается он в том, что слухи компонуются по тематическим блокам. Например, при необходимости дискредитировать субъекта сочиняется целая серия слухов, куда входят помимо порочащих прославляющие, защищающие и соболезнующие слухи. В разных модальностях и с новыми деталями они транслируют на поверку единое базовое сообщение и последовательно вводятся по мере поглощения предыдущей порции «фактов» [Пиков 1995: 40–41].

Наконец, в технологии распространения слухов успешно используется свойство их коммуникативной универсальности: они привычно курсируют в разных сферах и по всем

коммуникативным каналам. Этим и пользуются специалисты, не просто выбирая удачное «место запуска», но регулируя перемещение анонимной информации из одного коммуникативного ареала в другой. Как показал анализ литературы, в зависимости от поставленной задачи перемещения эти могут быть противоположно направленными. Имея в виду увеличение степени легитимности и достоверности анонимной информации, ее направляют *из разговорной среды* или свободного пространства *Интернета в сторону официальных каналов*: «Традиционные средства массовой информации несут ответственность за распространяемые ими сведения. Слухи же, передающиеся через Интернет, анонимны. Но затем газеты, телевидение получают возможность ссылаться на Интернет. То есть происходит самое настоящее отмывание так называемой “черной” информации. Раньше из этой “черной” информации можно было сделать только “серую” — распространять ее в кулуарах, не более. Теперь есть возможность отмывать любую “дезу” добела» [Нас ждет такая битва 1999].

Если же стоит собственно информационная задача — широкого и быстрого внедрения нужного сюжета в массы — тогда вектор его трансляции разворачивается в прямо противоположную сторону, *от СМИ к устному каналу слухов*: «Люди никогда не пересказывают друг другу казенные формулы и лакейские гимны властям — в своем кругу люди рассказывают друг другу то, что считают важным и интересным. СМИ значимы только в той степени, в которой они поставляют содержание, идеологемы и фактуру (поводы) для массового “трепа” <...> Политические инициативы и ситуации способны протранслироваться на низовой уровень в той степени, в какой они “драматургичны”, “драматизированы”, то есть превратились в интересный и доступный человеку сюжет» (из доклада Фонда эффективной политики; цит. по: [Засурский 1999: 100; Почепцов 2001а: 419]).

Прямо говоря, мы имеем дело с **межканальной перекодировкой**, которая повышает эффективность сообщения и признается серьезным методом воздействия на массовое сознание [Почепцов 2001а: 489].

Библиография

- Агеева О.Г. Петербургские слухи (К вопросу о настроениях петербургского общества в эпоху петровских реформ) // Феномен Петербурга: Труды междунар. конф. 3–5 ноября 1999 г., Всерос. музей А.С. Пушкина. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 2000. С. 299–313.
- Андриянов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Т. «Слухи» как социальный феномен // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 82–88.

- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: В 3 т. М.: Изд-во ФО СССР, 1991. Т. 3: Социокультурный словарь.
- Базанов В.Г.* К вопросу о фольклоре и фольклористике в годы революционной ситуации в России (1859–1861) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып. 7. С. 200–216.
- Базанов В.Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л.: Сов. писатель, 1974.
- Безубицев С.А.* Психологическое воздействие слухов в организации на субъекта труда: Дис. ... канд. психол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2005.
- Безубицев С.А.* Слухи, которые работают на вас: Секреты проф. использования. М.: Питер; СПб.: Питер Принт, 2003.
- Бессонов И.А.* Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания // Город эрудитов: Научный ресурс. 2009, 30 авг. <<http://www.erudicity.ru/date/2009/08>>.
- Блэк С.* Паблик рилейшнз: Что это такое? / Пер. с англ. М.: Новости, 1990.
- Блэк С.* PR: международная практика / Пер. с англ. М.: Довгань, 1997.
- Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М.: ИЭА РАН, 1992.
- Веселова И.С.* Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Росс. гос. гуманитар. ун-т. М., 2000.
- Вечоркин М.* Далее следует...: Тезисы к диссертации о слухах // Вечерняя Москва. 1989, 1 июля.
- Виноградов В.А.* К вопросу о влиянии народнической пропаганды 70-х — начала 80-х гг. на революционные настроения крестьян Тверской губернии // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР: Мат-лы межвуз. науч. конф. Смоленск: Б.и., 1972. С. 46–52.
- Волков О.* Откуда берутся слухи // Комсомольская правда. 1988, 4 сент.
- Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-Пресс, 1995.
- Высоцкая В.* Слухи, толки и сплетни в контексте произведений Гоголя // Седьмые Гоголевские чтения: Гоголь и народная культура: Мат-лы докл. и сообщ. М.: ЧеРо, 2008. С. 252–260.
- Горбатов Д.С.* Проблема противодействия слухам в микрогруппах // Вопросы психологии. 2011а. № 1. С. 116–123.
- Горбатов Д.С.* Психологические закономерности изменения содержания слухов // Вопросы психологии. 2008а. № 2. С. 94–102.
- Горбатов Д.С.* Психология сплетни. Воронеж: Научная книга, 2008б.
- Горбатов Д.С.* Психология трансформации слухов: микрогрупповой подход. М.: Социум, 2011б.
- Горбатов Д.С.* Слухи, сплетни, городские легенды: психологическая природа различий // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 71–79.

- Горбатов Д.С.* Слухи: к проблеме дефиниции в социальной психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. Вып. 35. С. 47–51.
- Гришин Н.В.* Основы проведения избирательных кампаний. М.: РИП-холдинг, 2003.
- Громыко М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Гурова Т., Медовников Д.* Жесткий ценз на рынке демократии // Эксперт. 1998. № 48. С. 36–40.
- Джалалов М.А.* Роль массовых средств информации в формировании общественного мнения // Роль средств массовой информации и пропаганды в нравственном воспитании. М.: Мысль, 1979. С. 205–211.
- Дмитриев А.В.* Слухи как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 5–11.
- Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т.* Неформальная политическая коммуникация. М.: Росспэн, 1997.
- Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т.* Общественное мнение в системе информационно-психологической безопасности // Проблемы информационно-психологической безопасности: Сб. статей и материалов конф. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1996. С. 44–46.
- Долгая Т.А.* Концепт слухов в русской культуре // Основное высшее и дополнительное образование: Проблемы дидактики и лингвистики: Сб. науч. трудов. Волгоград: Политехник, 2000. Вып. 1. С. 95–100.
- Долгая Т.А.* Слухи как вид массовой информации // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. Волгоград: Б.и., 2002. Вып. 2. С. 113–117.
- Домановский Л.В.* Освободительное движение первой четверти XIX века в русском народном творчестве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.
- Дубин Б.В.* Речь, слух, рассказ: трансформации устного в современной культуре // Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 70–81.
- Дубин Б.В., Толстых А.В.* Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993а. № 3. С. 77–81.
- Дубин Б.В., Толстых А.В.* Слухи как феномен обыденной жизни // Философские исследования. 1993б. № 2. С. 136–141.
- Дубин Б.В., Толстых А.В.* Феноменальный мир слухов // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 17–20.
- Желтухина М.Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: ИЯ; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.
- Засурский И.* Масс-медиа второй республики. М.: Изд-во МГУ, 1999.
- Зелинский С.А.* Слухи как фактор манипуляций // Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание (Средства массовой коммуникации, информации

- и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс). М.: Скифия, 2008. С. 323–336.
- Ильинский В.* Слухи в рекламе, антирекламе и контррекламе // Рекламные идеи. 1999. № 3. С. 79–80.
- Исупов К.Г.* Слух (слухи) // Сайт кафедры эстетики и этики РГПУ им. А.И. Герцена <http://aesthetics-herzen.narod.ru/isupov_sluhi.html>.
- Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций / Ист.-арх. ин-т. М.: Изд-во РГГУ, 1997.
- Караяни А.Г.* Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 47–54.
- Киселева Е.* Слухам можно верить // Коммерсантъ–Деньги. 2000, 27 дек. № 51.
- Колесников А.* Кремлевский «Тетрис» // Новая газета. 2011, 3 апр.
- Колоницкий Б.И.* Великий князь Николай Николаевич в оскорблениях и слухах эпохи Первой мировой войны // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб.: Нестор–История, 2006. С. 445–454.
- Колоницкий Б.И.* К изучению механизмов десакрализации монархии (Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция: Сб. статей к 70-летию О.Н. Знаменского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 72–86.
- Корконосенко С.Г.* Основы журналистики: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Кормилицына М.А.* Метатекстовые конструкции и узуальные стилистические нормы современных газет // Русский язык сегодня. Вып. 4: Проблемы языковой нормы: Сб. докладов. М.: Ин-т русского языка, 2006. С. 275–283.
- Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.
- Крейдлин Г.Е., Самохин М.В.* Слухи, сплетни, молва — гармония и беспорядок // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 117–157.
- Кринко Е.* Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе: слухи военного времени (1941–1945) // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 494–508.
- Кудряшов К.В.* Народная молва о декабрьских событиях 1825 года (По неизданным материалам) // Бунт декабристов: Юбилейный сборник 1885–1985 / Под. ред. Ю.Г. Оксмана, П.Е. Щеголева. Л.: Былое, 1926. С. 311–320.
- Лайнбарджер П.* Психологическая война / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1962.

- Латынов В.В.* Слухи: социальные функции и условия появления // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 12–17.
- Литвак Б.Г.* Сословно-групповые особенности крестьянского движения в период кризиса крепостничества // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1980. С. 145–146.
- Лосенков В.А.* Социальная информация в жизни городского населения. Л.: Наука, 1983.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Прогресс; Гнозис, 1992.
- Макаров А.* Не слухом единым? Анатомия слуха // Рекламное измерение. 1998. № 3 (44). С. 12–14.
- Максимов В.В.* Проблема речевых жанров // Диалог. Карнавал. Хронотоп [Журнал]. Витебск, 2001. № 4. С. 35–49.
- Мальшиков В.И.* Сибирский вектор: Выборы губернатора Красноярского края. М.: Новости, 1998.
- Мамонтов А.* Слухи и современное общество: Трансляция информации о компании по немедийным каналам // Со-общение. 2002. № 2. С. 5–9.
- Матвейчев О.А.* Уши машут ослом: Сумма политтехнологий. М.: Эксмо, 2009.
- Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М.: Дело, 1995.
- Миронова Т.П.* Крестьяне и государство в конце 20-х годов // Россия эпохская: политика, экономика, культура: Тез. всесоюз. науч. конф. Новосибирск: Б.и., 1991а. С. 109–111.
- Миронова Т.П.* Сопrotивление крестьянства насильственной коллективизации в конце 20-х годов // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М.: ВАСХНИЛ, 1991б. С. 138–141.
- Назаретян А.П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003.
- «Нас ждет такая битва компроматов, какой мир еще не видел» (интервью с Г. Павловским) // Комсомольская правда. 1999, 26 февр.
- Неверов С.В.* Основы культуры речи современной Японии: (Теория языкового существования): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1975.
- Никитина А.* Правила распространения слухов: Сарафанное радио как инструмент продвижения товара // Бизнес [Газета]. 2006, 15 мая.
- Николаева П.В.* Проблема действенности слова в художественном мире Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Иванов. гос. ун-т. Иваново, 2008.
- Никонов А.* Одна баба сказала: теория и практика слуховедения // Огонек. 2002. № 3. С. 12–15.
- Никонова О.Ю.* Конференция «Слухи в России XIX–XX веков: неформальная коммуникация и “крутые повороты” российской

истории» (Москва, ИНИОН РАН, 1–2 октября 2009 г.) // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 411–418.

Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001.

Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития. Слухи как источник устной истории // Отечественная история. 2006. № 2. С. 136–148.

Осетрова Е.В. Губернатор Красноярского края: наброски к речевому портрету // Российский лингвистический ежегодник / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск, 2007а. Вып. 2 (9). С. 124–138.

Осетрова Е.В. Каналы массовой коммуникации: «свое», «чужое», «иное» // Мова: Научно-теоретичный часопис з мовознавства / Одеський нац. ун-т. Одеса: Астропринт, 2006а. № 11. С. 105–109.

Осетрова Е.В. Недостовверная информация в СМИ: соотношение информационнои нормы и журналистского узуса // Русский язык сегодня: Сб. статей. М.: Ин-т русского языка, 2006б. Вып. 4: Проблемы языковой нормы. С. 432–444.

Осетрова Е.В. Поле властной коммуникации: способы взаимодействия субъектов // Вестник Красноярского государственного университета. (Гуманитарные науки). Красноярск, 2002. № 2. С. 62–66.

Осетрова Е.В. Почему российское общество доверяет слухам? // Человек как главное национальное богатство страны: Мат-лы заоч. межрегион. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2006в. С. 218–225.

Осетрова Е.В. Причина, цель и функции использования слухов в масс-медиа // Язык. Дискурс. Текст: Мат-лы III международ. науч. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007б. С. 48–52.

Осетрова Е.В. Процесс обращения слухов в представлении Б. Акунина: фрагмент авторской картины мира // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2009. № 52. С. 58–61.

Осетрова Е.В. Слухи в печатных СМИ: содержательное использование // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: Сб. материалов международ. науч. конф. (Красноярск, 21–23 сент. 2005 г.). Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005а. С. 55–61.

Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия РАН. Сер.: Литература и язык. 2003. Т. 62. № 1. С. 49–54.

Осетрова Е.В. Современные каналы общественной коммуникации: взаимоподдержка или взаимоотрицание // Международное образование: итоги и перспективы: Мат-лы международ. науч.-практ. конф. (22–24 нояб. 2004 г.): В 3 т. / Редакционно-издат. совет ЦМО МГУ. М.: Б.и., 2004. Т. 3. С. 37–43.

Осетрова Е.В. Сценарии властного общения // Лингвистический ежегодник Сибири: Сб. науч. публикаций. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005б. Вып. 7. С. 22–30.

- Осетрова Е.В.* Функции слухов в газетном тексте // Региональная пресса: классика и современность: Сб. науч. статей / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск: Б.и., 2006г. С. 51–55.
- Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2005.
- Особенности национальной охоты за голосами избирателей // Совершенно секретно. 1998. № 5. С. 19.
- Пальшин К.* Слухи на заказ // Компания. 2007, 24 сент. № 35. С. 54–57.
- Панасюк А.Ю.* Вам нужен имиджмейкер? Или о том, как создавать свой имидж. М.: Дело, 1998.
- Панченко Н.Н.* Достоверность как коммуникативная категория. Волгоград: Перемена, 2010а.
- Панченко Н.Н.* Достоверность как коммуникативная категория: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2010б.
- Пиков Н.* Наше оружие — слухи // Солдат удачи (Soldier of Fortune). 1995. № 4. С. 37–41.
- Плюснина А.* Слухи в банке. Стоит ли бороться? // Банковское дело в Москве. 1998. № 8 (44). С. 59–60.
- Побережников И.В.* Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург: Банк культ. информ., 1995.
- Пождаева В.* Слух как средство рекламы // Рекламное измерение. 1996. № 3 (20). С. 9–11.
- Покида Н.И.* Слухи и их влияние на формирование и функционирование общественного мнения: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. М., 1990.
- Попкова О.В.* Природа слухов и их влияние на формирование общественного мнения: Автореф. дис. ... канд. социол. / Саратов. гос. техн. ун-т. Саратов, 1999.
- Попкова О.В.* Онтология слухов. Тольятти: Акцент, 2002.
- Почепцов Г.Г.* Имидж-мейкер: Паблик рилейшнз для политиков и бизнесменов. Киев: Рекламное агентство Губерникова, 1995.
- Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001а.
- Почепцов Г.Г.* Информация & дезинформация. Киев: Ника-Центр; Эльга, 2001б.
- Почепцов Г.Г.* Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002.
- Почепцов Г.Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. 2-е изд., испр. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001в.
- Почепцов Г.Г.* Теория и практика коммуникации (от речей президентов до переговоров с террористами). М.: Центр, 1998.
- Почепцов Г.Г. (мл.)* Слухи как семиотический феномен // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1990. С. 131–140.

- Прозоров В.В.* Молва как филологическая проблема // Филологические науки. 1998. № 3. С. 73–78.
- Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М.: Наука, 1990.
- Робер М.А., Тильман Ф.* Психология индивида и группы. М.: Прогресс, 1988.
- Рождественский Ю.В.* Введение в общую филологию. М.: Высшая школа, 1979.
- Рождественский Ю.В.* О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремиологический сборник: Пословица, загадка. Структура, смысл, текст. М.: Наука, 1978. С. 211–229.
- Рождественский Ю.В.* Теория риторики: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Аннушкина. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2004.
- Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире: проспект / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Ин-т русского языка, 2004.
- Савченко О.* Красноярск: разные истории // Сибирский форум: интеллектуальный диалог: Газета Сибирского федерального ун-та. 2010, окт. № 6 (8). Эл. версия: <<http://sibforum.sfu-kras.ru/node/121>>.
- Сайфуллина Э.Р.* Сплетня, ссора, лезть и др. как негативно оцениваемые речевые жанры (на примере пословиц о речевом поведении) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 986–991.
- Сегела Ж.* Национальные особенности охоты за голосами: Восемь уроков для кандидата-победителя. М.: Вагриус, 1999.
- Слухи (Механизм явления) // Советская культура. 1990, 13 окт.
- Слухи // Томь: Еженедельная газета. 2006, 29 марта. № 13.
- Смена курса: Оксана Акиньшина // Шанс: полезный еженедельник. 2011, 5 июня.
- Соливетти К.* Сплетня как геральдическая конструкция (Mise en Abyme) в «Мертвых душах» // Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2009. No. 30 <<http://www.utoronto.ca/tsq/30/solivetti30.shtml>>.
- Степанов А.* В Кушевской накаляются страсти // Комсомольская правда. 2010, 24 нояб.
- Сыроечковский В.Е.* Московские «слухи» 1825–1826 гг. // Каторга и ссылка. М.: Изд-во Вsesоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Кн. 3. С. 59–86.
- Тард Г.* Мнение и толпа // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; КСП+, 1999. С. 257–408.
- Терц А. [Синявский А.Д.].* В тени Гоголя. Париж: Синтаксис, 1981.
- Толстая С.М.* Магия обмана и чуда в народной культуре // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 109–115.
- Утехин И.В.* От сплетни к историческому преданию: представления о местной истории жителей больших коммунальных квартир

- Санкт-Петербурга // Доклады семинара по полевой этнографии Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2000 <<http://old.eu.spb.ru/cfe/files02/index.htm>>.
- Фаер С.А.* Приемы стратегии и тактики предвыборной борьбы: PR-секреты общественных отношений. «Ловушки» в конкурентной борьбе. Механизмы политической карьеры. СПб.: Стольный град, 1998.
- Федоров В.А.* Крестьянские слухи о «черном переделе» земель в 70–80-х годах XIX века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период феодализма и капитализма. Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ, 1982. С. 82–88.
- Хлопьев А.Т.* Групповое и массовое сознание в поле слухов // Проблемы информационно-психологической безопасности: Сб. статей и материалов конф. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1996. С. 53–59.
- Хлопьев А.Т.* Кривые толки России // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 21–33.
- Чернов С.Н.* Из истории солдатских настроений в начале 20-х гг. XIX в. // Бунт декабристов: Юбилейный сборник 1825–1925 / Под ред. Ю.Г. Оксмана, П.Е. Шеголева. Л.: Былое, 1926. С. 56–128.
- Чернов С.Н.* Слухи 1825–1826 годов (Фольклор и история) // С.Ф. Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности: Сб. статей. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 565–584.
- Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967.
- Шафир Я.М.* Газета и деревня. М.; Л.: Красная новь, 1924.
- Шейнов В.П.* Психологическое влияние. Минск: Харвест, 2007.
- Шерковин Ю.А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Мысль, 1973.
- Шерковин Ю.А.* Стихийные процессы передачи информации // Социальная психология: Краткий очерк. М.: Политиздат, 1975. С. 185–194.
- Шерковин Ю.А., Назаретян А.П.* Слухи как социальное явление и как орудие психологической войны // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 5. С. 41–51.
- Щедровицкая М.* О важности слухов в условиях диктатуры СМИ // Сообщение. 2002. № 3. С. 14–16.
- Щенникова О.Н., Бутина А.В.* Психологические аспекты процесса передачи слухов // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2008. № 2. С. 26–28.
- Щербатых Ю.В.* Психология выборов: Манипулирование массовым сознанием. Механизмы воздействия: Популярная энциклопедия. М.: Эксмо, 2007.
- Яров С.В.* Слухи как феномен общественного сознания (Петроград, март 1921 года) // Поиски исторической психологии: Сообщения и тезисы докладов международ. науч. конф. (Санкт-Петербург, 21–22 мая 1997 г.). СПб.: Третья Россия, 1997. Ч. 3. С. 137–138.

- Allport G.W., Postman L.J.* The Basic Psychology of Rumor // Transactions of the New York Academy of Sciences. 1945. No. 8. P. 61–81.
- Bordia P., DiFonzo N.* Problem Solving in Social Interactions on the Internet: Rumor as Social Cognition // Social Psychology Quarterly. 2004. Vol. 67. No. 1. P. 33–49.
- Bruce B.* Images of Power: How the Image Makers Shape Our Leaders. L.: Kogan Page, 1992.
- Clarke D.* Rumours of Angels: A Legend of the First World War // Folklore. 2002. Vol. 113. Is. 2. P. 151–173.
- DiFonzo N., Bordia P.* Rumor, Gossip and Urban Legends // Diogenes. 2007. Vol. 213. P. 19–35.
- Donovan P.* How Idle Is Idle Talk? One Hundred Years of Rumor Research // Diogenes. 2007. Vol. 213. P. 59–82.
- Festinger L., Cartwright D., Barber K., Fleischl J., Gottsdanker J., Keysen A., Leavitt G.* A Study of a Rumor: Its Origin and Spread // Human Relations. 1948. No. 1. P. 464–486.
- Kapferer J.N.* A Mass Poisoning Rumor in Europe // Public Opinion Quarterly. 1989. Vol. 53. No. 4. P. 467–481.
- Knapp R.N.* A Psychology of Rumor // The Public Opinion Quarterly. 1944. Vol. 8. No. 1. P. 22–37.
- Langlois J.L.* “Celebrating Arabs” Tracing Legend and Rumor Labyrinths in Post-9/11 Detroit // Journal of American Folklore. 2005. Vol. 118. P. 219–236.
- Michelson G., Mouly V.S.* Rumor and Gossip in Organizations: A Conceptual Study // Management Decision. 2000. Vol. 38. No. 5. P. 339–346.
- Miller G.E.* Rumor: An Examination of Some Stereotypes // Symbolic Interaction. 2006. Vol. 28. No. 4. P. 505–519.
- Park R.E.* News as a Form of Knowledge // American Journal of Sociology. 1940. Vol. 45. No. 4. P. 669–689.
- Pendleton S.C.* Rumor Research Revisited and Expanded // Language & Communication. 1998. Vol. 18. P. 69–86.
- Rosnow R.L.* On Rumor // Journal of Communication. 1974. No. 24. P. 26–38.
- Rosnow R.L.* Rumor and Gossip in Interpersonal Interaction and Beyond: A Social Exchange Perspective // Behaving Badly: Aversive Behaviors in Interpersonal Relationships / Ed. by R.M. Kowalski. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 203–232.
- Shibutani T.* Society and Personality: An Interactionist Approach to Social Psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1961.